

ЧАРЛЗ МЕТЬЮРИН (1780-1824)

Этот "самый женоподобный юноша из всех" пользовался большей славой за границей, чем на родине. Самый известный из его романов – "Мельмот Скиталец" (*Melmoth The Wanderer*, 1820).

Русский перевод: Метьюрин Ч. Р. "Мельмот Скиталец". Л., 1977. Серия "Литературные памятники".

Родоначальником жанра (Gothic novel) для которого характерны романтические злодеи и всякие ужасы на фоне "романтической" обстановки, считается роман "Замок Отранто" (*Castle of Otranto*, 1764) Г. Уолпола (Walpole). В 1808 году появился наиболее типичный и характерный образец английского готического романа – "Монах" (*The Monk*) Метью Грегори Льюиса (M. G. Lewis).

Из очень основательной сопроводительной статьи М. П. Алексеева:

Будучи последним и одним из лучших образцов в ряду так называемых готических романов, "Мельмот Скиталец" превосходит их не только увлекательностью, но прежде всего серьёзной философской мыслью, лежащей в его основе.

Что касается увлекательности, то назвать эту очень толстую и нередко очень скучную книгу "увлекательной" никак нельзя. Прежде чем что-нибудь сделать, герои очень много и долго думают, потом говорят о своих чувствах, потом, наконец, что-то делают, а потом долго размышляют о том, правильно ли они поступили... Очень мало найдётся современных читателей, которые способны прочесть весь этот текст медленно и внимательно, слово за словом, залезая во все сноски и комментарии, напечатанные мелким шрифтом. Что касается "философской основы", то читателям-атеистам, которые совсем не интересуются религиозной философией, вся эта "основа" покажется не только скучной, но и совершенно бессмысленной и бесполезной.

В середине XIX века Метьюрин был забыт в Англии прочно и, казалось, навсегда. Однако в 1890-ых годах интерес к его творчеству оживился – и в Англии, и в

России, и (особенно) во Франции. Высоко ценил этот роман Оскар Уайльд (кстати, мать Уайльда была племянницей Метьюрина).

Чарлз Метьюрин (Maturin) – родился в 1780 году в Ирландии. В отцовском доме он провёл радостное и счастливое детство. С ранних лет был увлечён театром и мечтал в будущем сделаться актёром. Став студентом Тринити колледжа в Дублине, он много внимания уделял изучению протестантской теологии. В итоге – он решил стать писателем. Метьюрин мечтал о спокойной и обеспеченной жизни, отданной литературному труду, – жизни среди природы, вдали от треволнений большого города. Но провинциальная жизнь оказалась далёкой от этой идиллии. В 1803 году он стал священником и получил место приходского vikария в маленьком городке на западе Ирландии. Жизнь в сельской глуши показалась ему тоскливой, и уже в 1805 году он вернулся в Дублин, заняв должность помощника священника в Соборе Святого Патрика. В этой должности (с ничтожным жалованием в 25 фунтов в год) он оставался до самой смерти. Его первые два романа не вызвали широкого читательского интереса, но были замечены Вальтером Скоттом, с которым у Метьюрина завязалась долготелнная переписка. Скотт находил Метьюрина "слишком весёлым для священника": когда у Метьюрина заводились деньги, он превращался из писателя, творившего ужасы, в дамского угодника и денди, весело танцующего на балах (он любил музыку, а его красавица-жена была очень хорошей певицей). Однако это случалось не часто: гораздо чаще он сам и члены его семьи (жена и четверо детей) оказывались в ужасающей нужде. В этот период своей жизни он создавал романы один мрачней другого, и такие же пьесы, перенасыщенные страшными сценами и ужасами всякого рода.

К числу лучших произведений Метьюрина (по мнению М. П. Алексеева) принадлежит роман "Женщины, или За и Против" (*Women, or Pour et Contre*, 1818), который однако, не пользовался широкой известностью у тогдашних читателей... Книга начинается эпизодом, очень напоминающим завязку готического романа: молодой человек по имени де Курси, пылкий, влюбчивый, но постоянно колеблющийся и нерешительный, направляется в Дублин. По дороге мимо него с большой скоростью несётся коляска, откуда доносится женский крик. Де Курси бросается к коляске, останавливает лошадей и вырывает красивую, хрупкую девушку Еву из рук похожей на ведьму отвратительной старухи. Защищаясь, старуха осыпает его проклятиями и угрозами, похожими на пророческие предсказания (которые в конце концов и сбываются). Де Курси сначала влюбляется в нежную и скромную Еву, но позднее эту любовь вытесняет его губельная и безумная страсть к блистательной и обольстительной Заире – светской женщине и талантливой певице. Он приходит в полное отчаяние, узнав, что Заира – мать Евы (обе женщины тоже не знали о своём родстве), и не надолго переживает Еву, которая умерла от горя... Душевный мир Евы ограничен сектантской нетерпимостью, тогда как Заира воплощает в себе страсть к жизни и жажду полной свободы артистического духа, но в мещанской среде она встречает препятствия к развитию своей личности. Некоторые критики увидели в этой книге не роман тайн и приключений, а своего рода философский трактат, в котором в повествовательной форме сопоставлены католицизм, кальвинизм, и свободомыслие как философские и нравственные системы.

После 1817 года Метьюрин начинает работу над своим лучшим романом "Мельмот Скиталец". "Я всегда любил рассказы о суевериях", – признаётся Метьюрин, для которого это был период серьёзной психической депрессии: нужда снова стучалась в дверь...

"Мельмот" принёс автору 500 фунтов стерлингов. На эти деньги семья Метьюрина жила три года.

Каждая из вставных повестей в "Мельмоте" могла бы существовать и отдельно, но все они взаимозависимы. Действие начинается осенью 1816 года, оно перебрасывается из страны в страну и заканчивается через несколько дней там же, где началось (в Ирландии); хронологическая последовательность всё время нарушается, но автору как-то удаётся связать в единый узел все разнородные события... Однако книга была написана слишком поздно: готический роман выходил из моды, на смену ему шёл исторический роман...

Мельмот не дьявол-искуситель, но всего лишь жертва, обречённая творить зло против своей воли. Мельмот разоблачает все виды религиозного изуверства и фанатизма. "Рассказ испанца", в котором осуждаются царящий в испанских католических монастырях садизм и преступления Инквизиции, никогда не публиковался в Испании...

Ранние критики этого романа видели в Мельмоте чуть ли не бессмертного Агасфера.

Легенда об иерусалимском еврее, сапожнике Агасфере, ударившем Христа, шедшего на казнь, и наказанного за это мучительным бессмертием и вечным скитанием ("Вечный жид"), известна в европейской письменности и фольклоре приблизительно с XVI века.

Последняя книга Метьюрина (исторический роман "Альбигойцы", 1824) была написана автором в один из самых мрачных и печальных периодов его жизни. Метьюрин умер в Дублине 44 лет от роду, оставив после себя почти без всяких средств к существованию вдову и четверых детей, из которых младшему исполнилось пять лет...

Первый русский перевод "Мельмота" Матюрена (с французского) был издан в России в 1833 году. Эту книгу ценили Пушкин, Гоголь, Достоевский.

МЕЛЬМОТ СКИТАЛЕЦ (1820)

В старухе Джон сразу узнал местную знахарку. Когда больных не было и у неё не находилось предлога посетить господскую кухню, у неё оставалось только одно средство: раз уж нельзя укоротить ничью жизнь, то можно предсказывать людям будущее. Никто не умел так, как она, сплести "магическую нить" и положить её потом в яму, на краю которой стоял тот, кто хотел узнать своё будущее, – дрожа от страха и не зная, чей голос ответит ему на вопрос: "Кто держит эту нить?" ... Никто лучше неё не умел напугать свою жертву, вселив в неё веру в таинственную силу, которая может превратить (и не раз уже превращала) самых крепких людей в самых слабых...

Лицемерие – это та дань, которую порок платит добродетели, а соблюдение правил приличия есть та форма, в которую это уважение облачается.

В известном отношении любопытство походит на любовь: оно всегда сводит воедино предмет и чувство, которое он вызывает; и если чувство это достаточно сильно, то предмет может быть и ничтожен...

Страху свойственно сближать в сознании людей далёкие друг от друга события.

Тот, кто по-настоящему привык наслаждаться жизнью, полон желания, чтобы все остальные радовались жизни так же, как он (лишь бы не за его счёт).

Сам я переменялся, и мне хотелось видеть переменявшимися и окружающих меня людей...

Вся власть церкви основана на страхе. Ей непременно надо или раскрывать преступления, или изобретать их.

Рассказ испанца начинается с описания *чувств* юноши, которого собираются насильно постричь в монахи. 67 страниц с описаниями этих *чувств* способны убить всякий интерес к предмету и к этой книге. В конце концов автор устами своего персонажа и сам заявляет: "Я попросил его не говорить больше о своих *чувствах* и перейти к рассказу о дальнейших *событиях*".

Ты утверждаешь, что право есть нечто отличное от власти? Скоро ты поймёшь, что в стенах монастыря право и власть – это одно и то же.

Как, видимо, – и в тюрьме, и в казарме, и в любом другом месте, где одни люди имеют возможность *безнаказанно* издеваться над другими...

! Проведя четверо суток на хлебе и воде в тёмном подвале с крысами и змеями¹, испанец был рад оказаться среди ненавистных ему прежде стен монастыря.

"Среди монастырских стен, которые прежде были для меня стенами тюрьмы, я обрёл настоящее раздолье! Меня охватило удивительное ощущение свободы... Я благодарил Господа за *свет*... Свет больше способствовал моему выздоровлению, нежели вся пища и укрепляющие средства, которые мне теперь в изобилии давали", – говорит испанец.

Я окликнул моего спутника и сказал, что дальше идти не могу. "Ну так останешься тут и заживо сгниёшь!" – ответил он. – И самые воодушевляющие и ласковые слова не подействовали бы на меня так сильно...

Среди всех ужасов, которые нам пришлось вынести, он всё время устремлял взгляд кверху, ибо знал, что нас окружает такая крошечная тьма, что дневной *свет* пробьётся сквозь даже самую узенькую щёлку... Над головой у нас появилась

¹ Это один из самых запоминающихся эпизодов в книге (см. стр. 152-157). Другие жуткие и запомнившиеся эпизоды – гибель влюблённых в монастырском подземелье (стр. 218-226) и дикая расправа толпы над предполагаемым преступником (стр. 269-273).

тоненькая полоска тусклого света. Она становилась всё шире и ярче – это был струившийся с неба *свет...*

В юные годы нам часто кажется, что сила на стороне того, кто превосходит нас своей развращённостью.

"Повесть об индийских островитянах" и "Повесть о семье Гусмана" – самые скучные части книги.

! Они решили узнать, что же это за Божество, которое не требует страданий от тех, кто ему поклоняется.

! Люди живущие в городах, изобрели новый необыкновенный способ сделать себе жизнь ещё тяжелее: они сравнивают её с распутством и непомерной роскошью, в которой живут богачи.

Мир, который думает, не умеет чувствовать.

У счастливых людей жизнь полна надежд. У несчастных – она полна воспоминаний.

Я люблю музыку: это язык воспоминаний.

Для людей несчастных исполнение их желаний всегда становится источником разочарования.

Всякое горе лучше переносить подальше от человека, который вам его причинил.

"Повесть о двух влюблённых" читается с некоторым интересом. Хотя бы потому, что действие происходит в Британии.

Они были слишком привержены высокому образу мыслей, и в памяти их были слишком живы деяния предков, чтобы тяготиться своим одиночеством.

В доме её матери последователи различных вероисповеданий разного толка проповедовали каждый своё и вступали в споры друг с другом; поэтому ещё с малолетства она [Элино́р] поняла ту истину, что могут существовать различные взгляды и различные мнения по одному и тому же вопросу... Она пришла к выводу, что каждая из сторон заслуживает внимания и что если столкновение их рождает такую силу мысли и действия, то это означает, что в той и в другой есть нечто великое и благое.

Она [Элино́р] взглянула на своего спутника и во взгляде её были и просветлённость, и глубокое понимание... Слова наши кажутся мелкой монетой по сравнению с той, что чеканят наши взгляды, идущие прямо из сердца.

Джон очень медленно проявлял свой характер; можно даже сказать, что отдельные черты его узнавались чаще всего под влиянием внешних или случайных обстоятельств; какая-то почти девическая застенчивость делала его неразговорчивым, а если он и говорил, то меньше всего – о себе. Душа его раскрывалась, как чашечка цветка; нежные шелковистые лепестки ширились незаметно для глаза, и с каждым днём цвет их густел и благоухание становилось сильнее, пока в конце концов блеск их не ослепил Элино́р и она не захмелела от их аромата.

Когда нас одолевает тоска, мы неспособны мириться с истиной; ложь, которая может на какой-то миг опьянить нас, кажется нам дороже той правды, которая несёт с собой разочарование...

Любовь, когда она зарождается в нас, – это чувство возвышенное и благородное. Мы стараемся наделить предмет нашей любви и физическим, и нравственным совершенством. Но такая расточительная щедрость воображения нередко приводит к тому, что сердце наше становится несостоятельным должником. Когда наступает жестокая пора разочарования, любовь готова вынести любые унижения, и случайно брошенного ей (пусть даже ненароком) ласкового слова, достаточно, чтобы поддержать её жалкое существование.

Он стал заговаривать с ней о постигшем её горе. А тот, кому удаётся завести подобный разговор с человеком несчастным, тем самым подбирает ключ к его сердцу.
